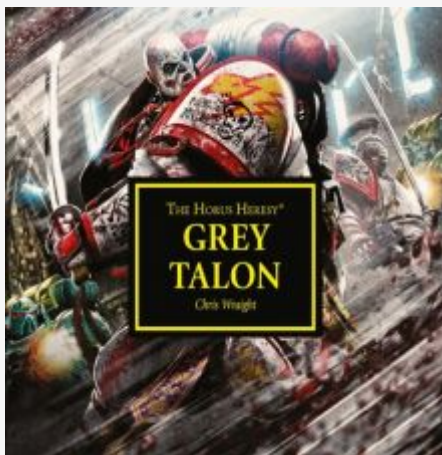

Серый коготь / Grey Talon (аудиорассказ)

Серый коготь / Grey Talon (аудиорассказ)

Автор	Крис Райт / Chris Wraight
Переводчик	Ulf Voss
Издательство	Black Library
Серия книг	Ересь Гора / Horus Heresy
Входит в сборник	Разбитые Легионы / Shattered Legions
Год издания	2016
Экспортировать	PDF , EPUB

Это был счастливый корабль, один из тех, кому улыбалась судьба. Его корпус заложили на мире-кузнице Афрет в сто тридцатом году крестового похода. По тому же проекту построили еще семнадцать эсминцев, предназначенных для флотов Легионов.

Этот корабль заложили под хорошим номером – седьмым. И у него не было дефектов, всегда присущих первым единицам серии. По мере увеличения числа фронтов графики работы Механикумов становились все более изматывающими, и такие дефекты были возможны, что бы ни заявляли магосы.

С орбитальных верфей Афрета корабль направили в распределительный узел в Талламедере для оснащения и ритуала передачи. По пустотным докам бродили толпы агентов Легионов, наблюдая, делая заметки, проверяя и интригуя. Они знали о последствиях возвращения к своим хозяевам с товаром худшего качества, чем у их соперников, и поэтому яростно торговались за корабли.

Лунные Волки обладали серьезной репутацией. Они выросли на Хтонию в жестких условиях, без всякой утонченности, свойственной, скажем, агентам Фулгрима. Капитаны кораблей других Легионов перешептывались, что у Гора есть свои люди в заявочных конторах, и благодаря этому его флот имел преимущество перед другими. Эти сплетни даже могли быть правдой, хотя капитаны болтали о чем угодно.

Неназванный корабль вместе с пятью другими забрал агент Легиона по имени Флак Тракус. По его словам ему нравилось число семь. На все эсминцы быстро нанесли временную символику XVI Легиона, после чего отконвоировали малым ходом на передовую базу Лунных Волков на Ифериаксе Терциус для испытаний. Два корабля не подошли строгим стандартам Легиона, в результате только четыре приняли в состав его флота.

За приемкой корабля наблюдал Эзекиль Абаддон, замещая своего примарха, который оставался на передовой крестового похода. Первый капитан выполнял порученное задание небрежно, желая поскорее вернуться к повелителю. По словам очевидцев в тот момент он выглядел скучающим.

Седьмой корабль был назван «Серым когтем» и передан под командование 19-го капитула Лунных Волков. Его первым легионерским капитаном стал Люциал Вормар, амбициозный хтониец, жаждущий возвыситься в Легионе, и ревностный член ложи с самого начала ее существования. По флотским стандартам «Коготь» был небольшим кораблем, занимая место между торпедным катером и линейным фрегатом. Такие суда обычно относились к эсминцам, хотя установленный под главным носовым щитом лэнс был нетипичен для этого класса кораблей, переводя его в разряд тяжеловооруженных для такого пустотного водоизмещения. Подобная компоновка отлично служила в ходе семидесяти лет непрерывных боев, и «Серый коготь» только дважды возвращался к родному причалу для переоборудования и капитального ремонта. За этот период еще четыре капитана Легиона и два командира корабля становились к его штурвалу. Каждый из них использовал эсминец в качестве трамплина для больших свершений.

Вскоре за «Когтем» закрепилась репутация удачливого корабля, обещавшего членам экипажа продвижение по службе. Он постоянно участвовал в боях на непрерывно расширяющемся фронте Великого крестового похода.

На момент Исствана III кораблем командовал Хирек Мон, член ложи Вормара с завидным списком побед и славой пустотного бойца. Он не подчинился приказу оставаться на высокой орбите, поддерживая блокаду, и вошел в зону для бомбардировки вслед за роковым решением Ангрона вступить в бой, тем самым заслужив гнев командования Легионом. В «награду» его отправили на самоубийственную позицию в ходе развертывания флота перед адом Исствана V, предоставив незначительное прикрытие и ожидая, что он смертью искупит свое рвение.

Но «Серый коготь» в очередной раз не оправдал ожидания, испытывая свою постоянную удачу в ходе страшной битвы в заполненном обломками кораблей космосе. Мон почти пережил сражение, готовый присоединиться к главным силам с восстановленной честью, если бы не вмешательство абордажной партии Саламандр, сбежавших с планеты на захваченном транспортнике. Лоялисты воспользовались им, чтобы проникнуть на борт эсминца, когда тот менял курс, и после короткой, но ожесточенной схватки захватили корабль Сынов Гора.

Мон пал на мостике, выкрикивая проклятья, когда ему отсекали руки и ноги. Благодаря замешательству, вызванному отступлением лоялистов, «Серый коготь» сумел покинуть систему и войти в варп. В его отсеках продолжались схватки, пока Саламандры не взяли эсминец под полный контроль.

После этого его переименовали в честь главного города Ноктюрна – Гесиода. Были найдены и взяты на борт другие беглецы, включая Бiona Хенрикоса из X Легиона и прославленного библиария Белых Шрамов Таргута Есугэя. Корабль оказался вовлечен в новую форму войны, мчась по теням, выслеживая изолированные передовые стаи врагов и перерезая им глотки. Это была опасная работа, испытывающая добрую удачу, которая к тому времени въелась в шпангоуты корабля.

Конец почти наступил над обугленной сферой Просперо. «Гесиод» попал под бортовые залпы фрегата Гвардии Смерти «Решимость разума». Окутанный огненным ореолом и сбитый с курса, он вошел в зону действия макроорудий еще трех крейсеров врага. Но удача не покинула его, появившись в виде главных сил флота Белых Шрамов. Сражение переместилось дальше, оставив эсминец с сильным креном, но с ненарушенной герметичностью. К тому времени его командиром был Хенрикос, избежавший ожидаемой им смерти и предавшийся тягостным мыслям, пока лишившийся энергии корабль безмолвно дрейфовал прочь из сферы битвы.

Шесть часов спустя «Гесиод» отыскали и привели к стоянке V Легиона. Технокоманды обнаружили, что двигательный отсек пробит и от гибели корабль отделяли считанные минуты, чем вызвали смех у легионеров Белых Шрамов. Но не у Хенрикоса, ведь Железнурукки знал о репутации корабля, которая сопровождала его с момента закладки корпуса, и не считал выживание тем, к чему необходимо стремиться.

После того как выживших Саламандр разбросали по всему флоту, к Хенрикосу на мостике присоединилась группа Белых Шрамов. Кораблю вернули его прежнее имя «Серый Коготь», а также цвета Сынов Гора. Текущую роль определили еще до того, как пришло решение о выбранной Ханом стратегии – корабль стал лазутчиком, хамелеоном, скользящей в тенях змеей. Открыто объявленная война больше не бралась в расчет.

За время ремонта Хенрикос ни разу не покинул мостик. Он одержимо работал, доводя слуг до предела выносливости при переделке двигателей и настройке орудий. Те, кто видел его в это время, передавали шокированные доклады вышестоящему командованию V Легиона.

Говорили, что он похож на дьявола. На измученного призрака.

Возможно, именно по этой причине к нему отправили Хибу – в качестве назидания другим. Хотя вряд ли. Примарх назначал наказание скорее с грустью, чем со злобой.

Более того, Хибу знал, на какого рода корабль его назначили. Тот обманывал смерть прежде и может сделать это снова, в какой бы переплет ни попал. Ему об этом говорили Нозан с Торгуном, пытаясь поднять настроение, прежде чем их отправили на собственные смертельные миссии. Даже перед лицом своей огромной ошибки, скованные стыдом за нее, они все еще видели дорогу в будущее. В ответ им улыбалась удача.

И они сказали, что «Серый коготь» – счастливый корабль. Тот, которому улыбается судьба.

После прибытия на борт эсминца Хибу-хан долгое время не покидал своей каюты. Он почувствовал вибрацию, когда плазменные двигатели заработали, унося корабль от уже рассредоточившегося флота Белых Шрамов. Некоторое время спустя дрожь сменилась пронзительным воем варп-двигателей, за которым последовал крен от вхождения в эфир. После этого наступило пугающе тихое плавание через имматериум, прерываемое только скрипом и треском бортов «Когтя».

По ощущениям они находились в варпе долгое время. Кампания в Чондаксе протекала почти непрерывной серией прыжков, принося яростные сражения на широко разбросанные миры системы. Тогда у Хибу было много времени подумать о позорном месте Легиона, прислушаться к словам нойон-хана Хасика, поговорить с братьями по ложам и выслушать их жалобы. Бои стали практически второстепенными в сравнении с вопросом, который обсуждали во всех братствах.

Что дальше?

И ответом было: *магистр войны*. Недоверие к имперским командным структурам стало таким абсолютным и убежденным, что присоединение к Гору стало казаться не столько разумным, сколько неизбежным. Весь V Легион восхищался Гором. Воины знали о его отношениях с Ханом. Из всех Восемнадцати только Тысяча Сынов были ближе к Шрамам, но связь с сынами Магнуса поддерживалась в основном через провидцев бури.

Так что выбор был естественным. Хибу вспоминал об этом, когда искал оправдание для себя. В другие дни, когда стыд пробуждал в нем желание в кровь разбить голову о металлические стены каюты, он вспоминал предостережения своего сердца и волнительную дрожь после того, как из-за окружавшей Чондакс завесы пришли сообщения, а также странный блеск в глазах некоторых из товарищей-лоялистов.

Лоялисты. Ни один из них не был лоялистом. Сейчас это имя закрепилось за теми, кто выступил на стороне Трона, в то время как другие, поддавшиеся притягательной харизме Гора, были низвергнуты во тьму, заклеены предателями и пособниками якша.

До этого не должно было дойти. Ведь им никто не показал цель в конце пути. Будь это сделано, мятеж подавили бы задолго до того, как он смог угрожать единству Легиона.

Его тошнило от мысли, как близко они к этому подошли. Видеозаписи с захваченного Есугэем корабля Несущих Слово «Воркаудар» разъяснили последствия выбора.

Все должно было начаться с клятвы. Клятвы, данной чистосердечно.

Иногда, размышляя над этим, Хибу жалел, что не принял смертельную клятву – цусан гараг, которая, по крайней мере, скрепила бы союз и не оставила места для переоценки. Поступи он так и был бы сейчас мертв: клинок примарха пронзил бы его сердца. А так ему остался путь покаяния – очистить свою душу, приняв бой перед главными силами, атакуя без надежды на выживание, неся гнев, рожденный предательством, в самое его сердце.

Теперь он был одним из сагьяр мазан. Они получают отпущение грехов только причинив боль ее источнику – пролив кровь архипредателя за то, что он пролил их. Больше, сильнее.

Но пройдет много недель, прежде чем Хибу снова даст волю своему клинку. А до того момента он должен делить корабль с человеком, который ненавидел его почти так же, как и тех, кто обрек их на проклятье.

Вздыхнув, Хибу-хан поправил надетый поверх доспеха халат и вышел из каюты. Нельзя откладывать вечно. Если им суждено сражаться вместе, то сначала они должны научиться общаться.

Хенрикос работал над машиной. Он занимался этим с того самого дня, как его взял на борт Кса'вен. В отличие от той, что они нашли на «Воркаударе» это была хорошая, чистая машина, с которой он мог найти общий язык и улучшить. Сыны Гора не опустились до той мерзости, что и Несущие Слово. По крайней мере, до Резни в зоне высадки, когда корабль был захвачен. Металл остался незапятнанным и все еще пах воинами магистра войны – старыми хтонийскими шкурами, которые они носили. Но машина функционировала более или менее надлежащим образом.

Пока Бион работал, он забывал о гневе. Если его руки, как бионическая, так и органическая, были заняты, то не чесались от желания взяться за оружие. Правда, достойного его выбора на корабле не оказалось. Хенрикос сохранил медузийский болтер, чего нельзя было сказать о клинке. Белые Шрамы предложили ему дюжину своих, но в ответ Хенрикос едва не рассмеялся. Их мечи были вполне сносны, но чогорийцы портили металл своими размашистыми рунами, а рукояти были слишком примитивны и не усилены. Ничто из предложенного Шрамами не обладало весом и смертоносным потенциалом подлинного медузийского цвайхендера. Поэтому Железнуюрукий все отверг.

Хенрикос склонился над навигационной станцией, уставившись на изображения визуальных сигналов. Длительное изучение сканограмм привело к проблемам с фокусировкой зрения. Конечно, легионер мог переложить всю работу на когитаторы, но им не доставало его знаний, а это было главным.

Хенрикос с головой ушел в решение проблемы. И когда почувствовал чужое присутствие на мостике, то не смог решить, как долго гость находился здесь.

Проклятая чогорийская скрытность

- Чего ты хочешь? - проскрежетал Хенрикос, не отрывая глаз от экрана.

Хибу-хан подошел ближе. Хенрикос чувствовал его запах - старые церемониальные масла на керамите, последний дар братьев по Легиону, изгнавших его. Сентиментально и бесполезно. Хенрикос убил бы всех отступников и повторно использовал геносемя и оружие. Зачем доверять детали, которая уже подвела?

- Я не знаю нашей цели? - сказал Хибу с акцентом, но на довольно плавном готике. Кажется, не у всех Шрамов были те же затруднения, что и у их колдуна бури.

- И?

Хибу напрягся.

- Нам суждено сражаться вместе. Возможно, мне стоит кое-что узнать о твоих планах.

Хенрикос сделал глубокий выдох сквозь сжатые губы, а затем поднялся.

- Вас девятеро. Все до единого предатели. Ты узнаешь о плане, когда я расскажу. До того времени тебе стоит держать глаза подальше от моих сканнеров, а рот закрытым.

К чести Хибу, он проглотил оскорбление. Его смуглое лицо, отмеченное бороздами нанесенных собственной рукой шрамов, дрогнуло всего лишь на мельчайшую долю секунды.

- Будь мы предателями, то были бы уже мертвы, - ответил чогориец.

Хенрикос почувствовал, как портится его настроение. Даже глядя на Белого Шрама он злился, впрочем, его почти все выводило из себя.

- Я не хочу делать этого сейчас, - пробормотал он.

Хибу стоял на своем.

- Мы были в варпе неделю. Я бы тренировался, если бы знал для чего.

Хенрикос повернулся к нему.

- Что тебе нужно из того, чего у тебя нет? Твои клинки при тебе, а все бои примерно одинаковы.

- Ты и в самом деле так считаешь?

Хенрикос приблизился.

- Так какой же бой ты видел, Белый Шрам? С зеленокожими?

Вспомнить было так легко: красные пылающие небеса над зоной высадки, исчерченные конденсационными следами падающих штурмовых когтей. В той бойне участвовали семеро примархов. Семеро. Воины гибли в грандиозном количестве.

- Я знаю, ты недооцениваешь нас, - спокойно произнес Хибу. - Не думай, что это выведет меня из себя. Мы привыкли к этому.

- Чтоб тебя! - вспыхнул Хенрикос, сжав металлический кулак. - Недооцениваю тебя? Я знаю, на что ты способен.

Железнодорожный еще больше приблизился, его неприятное дыхание омывало лицо со шрамом.

- Скажи мне, почему я должен терпеть даже один твой взгляд. Я сражался, когда Горгона резали на куски. Сражался, когда мой Легион резали на куски. Я бился каждую секунду с тех пор, и буду биться, пока судьба не остановит мои сердца, а ты. Ты. Ты даже точно не знал, кто *был* врагом.

Хибу не ответил, но Хенрикос видел, что чогориец хочет ударить его. Слова задели за живое.

- Мы были неправы, - мягко ответил Белый Шрам. - Мы заблуждались. И заплатим за это.

- Ага, все вы заплатите, - сказал Хенрикос полным презрения голосом.

Он никогда не сомневался, ни на микросекунду. Феррус Манус никогда не сомневался. Для сомнений никогда не было места - Железнодорожные получали задание и выполняли его. Вот почему Гор взялся за них первыми. Из всех Легионов Железнодорожный Десятый был самым непоколебимым, единственным незараженным амбициями, за исключением поиска наиболее эффективного способа ведения войны.

Были мгновения, когда Хенрикос гордился этим. Но в большинстве случаев такие мысли только вызвали слепую ярость, поэтому он отбрасывал их, зарывая воспоминания в работу, от которой его сервомеханизмы сбились, а в глазах щипало.

- Уйди, - рявкнул Хенрикос. - Я вызову тебя, когда ты понадобишься. До этого момента, просто держись подальше. Ты будишь во мне...

В другое время он мог бы сказать «отвращение», но для Железнодорожных оно означало технический сбой, а они быстро заменяли сломанные детали.

- ... гнев.

И это было верно, хотя едва ли уже важно.

Хибу поступил, как ему было велено. Смысла продолжать вражду с Железнодорожным не было, ведь никто не знал, куда заведет гнев Хенрикоса? Хибу воспользовался обычной тактикой Легиона - отступить, оторваться от противника, сберечь силы для следующего хода. Он пытался не позволить скрытому стыду

омрачать мысли, чтобы в нужный момент это не сказалось на его реакции. Но держать себя в руках было непросто, ведь безграничный стыд ничуть не уменьшался.

Белый Шрам шел по коридорам корабля, чувствуя каждым шагом его несхожесть. Он всегда отправлялся на войну на кораблях орду с плавными обводами и яркой окраской. В этом эсминце проявлялся нрав его первоначальных хозяев – резкие контуры, темные тона. Он был грубым оружием. Постоянное ощущение дезориентации удивило Хибу, и он мысленно отметил, что надо уделить этому внимание во время медитации.

Редкие обитатели «Серого когтя» состояли из сокращенного экипажа из числа слуг Белых Шрамов, различных сервиторов, и, конечно же, старых сервов XVI Легиона, которые сумели избежать чистки Кса'вена и теперь прятались по грязным углам трюмов. Из-за нехватки людей именно Хенрикос поддерживал работоспособность корабля, подключив автоматические механизмы, восстановив сгоревшие системы, пробудив спящие духи машины. Все, что удерживало Железную Руку от того, чтобы не наброситься на живые мишени – безумный темп работы.

Хибу задавался вопросом: «все Железные Руки были такими – смесью угрюмой ярости и ненормальной одержимости?» Ответа у него не было. Он прежде никогда не сражался вместе с ними, и не ждал, что нынешний эксперимент продолжится достаточно долго, чтобы у него сложилось определенное мнение.

Хан добрался до тренировочных клеток, где уже разминался Теджи. Хибу взял со стоек один из клинков, лениво наблюдая за своим соперником.

Прежде он не был знаком с Теджи. Молодой воин был одним из многих членов ложи среди множества братств: каждый из них был совращен одними и теми же словами, не ведая, что этот путь приведет к проклятью. По приказу Хана в истребительные команды сагьяр мазан вошли незнакомые друг с другом воины, чтобы узы прежнего братства не восстановились и не разожгли новый бунт. Разумная предосторожность, но на самом деле едва ли необходимая. Все они знали, насколько далеко зашли и что должны сделать, чтобы искупить вину.

Теджи служил в братстве Красного Солнца, одного из многих находящихся под командованием Джемулана. Он достиг Вознесения перед Чондаксом, присоединившись к флоту с последней волной пополнения с Чогориса, перед тем как опустилась пелена. Некоторое время спустя он сделал выбор, навсегда искалечивший его судьбу.

Хибу вошел в клетку и поклонился. Теджи ответил тем же и поднял клинок в защитную позицию. Его оружие было таким же затупленным, как и у Хибу, и не могло нанести серьезные увечья даже смертному. Но целью спарринга были не нанесение ран, а равновесие, скорость и реакция.

- Он поговорил с тобой? - спросил Теджи.

Хибу покачал головой.

- Я сделал первый ход. Он сделает следующий.

Теджи улыбнулся.

- Может быть.

Хоть девятеро воинов сагьяр мазан сблизилась за время путешествия, осторожность осталась. Они были искусственно созданным подразделением, сплоченным общей виной, что само по себе было плохим

основанием для возмездия. Бой проверит их слабые узы, они либо намертво сплавятся, либо полностью разорвутся.

- Что ж, начнем, - сказал Хибу, и два чогорийца сорвались с места, парируя и нанося удары, используя клинки со всей грацией их выучки. За несколько секунд клетка превратилась в арену чогорийского фехтовального мастерства.

Воины с головой погрузились в схватку. Разногласия перестали существовать для них, сомнения и вина исчезли, очищенные подавляющей энергетикой поединка.

Так они и сражались, наслаждаясь схваткой. Хотя понимали, что как только опустят клинки, все вернется, словно яркое воспоминание о снах.

Он был на Медузе, волоча ноги под исполосованными молниями небесами, чувствуя, как первобытный холод терзает кожу. Где-то вверху, невидимое за ночными облаками, висело на орбите железное кольцо Телстаракса, опустошенное и гулкое. Погребальный знак иной эпохи.

Он никогда не видел его, но оно всегда было образом медузийского мифа - древнее ожерелье, которое выделяло мир из пустоты, заковывая в металл. Он также никогда не видел примарха Ферруса Мануса, но знал, что он тоже был где-то там. Своего рода смертный Телстаракс, одновременно защитник и разрушитель, выковывавший из сынов планеты оружие и очищавший их закаленные лишениями тела от последних капель слабости.

Он шел десять дней, экономя пищу и воду, взбивая сапогами черную пыль, оседавшую на многослойной синтетической одежде. Дыхательная маска сбоила и щелкала при каждом вдохе, пропуская песчаный привкус пыли. Сухопутная машина превратилась в воспоминание, направившись на юг с остальным кланом. Шлейф грязного дыма долго висел над горизонтом, пока не растворился в дымке, но он ни разу не оглянулся на него.

На одиннадцатый день перед ним выросла башня - огромная и покрытая плитами из чернильно-черного железа. Он слышал гул машин под землей и чувствовал дрожь скалистого грунта под ногами. Стены уходили ввысь ярусами пятиугольной фортификационной формы, увенчанные орудиями, которые не уступали размерами его старому гусеничному дому.

Он подумал, что добрался до цитадели Сорргол, но он ошибался, так как башня перед ним была всего лишь самым маленьким из шпилей, простым стражем южных ворот. За ней простиралась кузница, обжиговые и плавильные печи, километр за километром, связанные паутиной железного трубопровода и окутанные покровом карбонового пара.

Перед воротами стоял Феррус Манус, титан в доспехе угольного цвета, непобедимый и вечный страж цитадели. Вот только он снова ошибся - страж был обычным легионером Десятого, первым в его жизни, хотя для испуганного юноши он мог быть самым примархом.

У него закружилась голова, и он с трудом удержался на ногах. Страж ворот взглянул на него глазами, горящими тускло-красным пламенем на покатоном шлеме.

- Я пришел служить, - гордо и воинственно заявил он, провоцируя возвышавшегося над ним воина на отказ.

Ему показалось, что он услышал тихий стрекот, как у оптических инструментов. Легионер видимо обдумывал его слова или же они его позабавили, а может рассердили. Но из-за надетого шлема прочитывать эмоции было невозможно.

- Вижу, - наконец, ответил легионер.

Врата со скрипом отворились, приведенные в движение огромными барабанами. Он покачнулся на уставших ногах, увидев плавильные печи - поля из металла и клубящиеся темные облака.

Легионер дал знак войти.

- В тебе есть стержень? - спросил он металлическим, отфильтрованным машиной рыком. - Топай к башне, и там получишь новые испытания.

Тогда он боялся. Отчаянно боялся. В горле пересохло, руки покрылись холодным потом, и он с трудом заставил ноги идти дальше. Легионер ждал, снова замолчав, такой же неподвижный, как и стены кругом.

Он хотел идти. Он видел большую башню, зазубренным клинком возвышавшуюся среди заводских корпусов и сверкающую подобно сланцевым склонам гор.

Он хотел идти.

Хенрикос вздрогнул и очнулся. Оказалось, что он заснул прямо на пульте управления сканнером. И никто из экипажа не осмелился разбудить его.

Железнодорожник поднял голову, вытерев полоску слюны с испачканного экрана. Насколько он отключился? Согласно хронометру доспеха на семь минут. Вот таким теперь был сон - несколько минут тут и там, островки бессознательности между долгими рабочими сменами.

Постыдная оплошность. Присутствующие на мостике заметили его слабость, и теперь они будут гадать, сколько еще он продержится.

Работай усердней.

Он пошевелил плечами и почувствовал, как смещаются пластины доспеха поверх напряженных мышц и ноют конечности, которые слишком долго оставались без движения.

Хенрикос взглянул на экран. На нем отображались светящиеся проекции кильватерных следов в варпе, нанесенные на картографическую сетку потрясающей сложности. Легионер проследил за двумя последними траекториями следов, отмечая движение «Серого когтя» через лабиринт эфира.

Хенрикос изучил входящие сигналы, делая поправку на известное паразитное отражение сигнала авгура. Моргнув, чтобы окончательно прийти в себя, он вспомнил, куда направлялся, прежде чем подкрался сон. Легионер включил новый поиск и просмотрел заполнившие экран данные. Понадобилось пять часов, чтобы подготовить алгоритмы, так же как и в случае с прочими поисками. Иногда он задавался вопросом, не забыл ли как правильно это делать.

Эту методику вбил в него Джебез Ауг, заставляя заучивать наизусть процедуры под сенью неослабной дисциплины.

- Другие могут быть быстрее, - с теплотой говорил ему железный отец. - Другие могут быть даже сильнее, но нет никого более методичного.

Ауг, вне всякого сомнения, погиб. Вероятнее всего, весь клан был уничтожен на Исстване и после него. Все его воины сгинули в пекле. Тогда им не помогли старые уроки, но они попали в эту ситуацию ослепленные стремлением быстрее добраться до врага, забыв собственные принципы.

Феррус тоже. Больше всех ослепленный.

На линзах начали пульсировать новые руны, и Хенрикос полностью сосредоточился. Он просмотрел многоуровневый клубок маркеров траекторий, переплетающихся внутри стилизованных варп-каналов.

Минуту он ничего не видел.

Затем проблеск. Слабый след, едва заметный в диапазоне вероятных варп-путей.

Он почти представил, как над ним наклонился и довольно заворчал Ауг.

Хенрикос для уверенности проверил, а затем связался с Хибу. Теперь новой встречи не избежать.

- Хан, - произнес Железнодорожник, сразу перейдя к делу. - Подготовь свое отделение и будь на мостике. У нас есть цель.

Хибу уставился на экран, гадая, на что именно он смотрит. Он свободно мог прочитать тактические дисплеи дюжины разновидностей, но Хенрикос на основе пикт-данных создал мозаику из спутанной бессмыслицы, которую даже магос Механикума обработал бы с трудом.

- Ты видишь его?

- Нет, - ответил Хибу, приготовившись к новой насмешке. - Пожалуйста, покажи.

Хенрикос раздраженно фыркнул, затем увеличил изображение.

- Забудь три измерения - варп работает иначе. Мы меняем стандартные сканирующие алгоритмы и параметры курса, чтобы покрыть большую площадь за более короткое время. В результате получаем штатную схему, разработанную железным отцом моего клана на Медузе, и принимаем во внимание исходное течение эфирных каналов. Мы не в физическом пространстве, поэтому движемся иначе. Уравнения... сложны.

Хибу верил этому. Экран был напичкан траекториями, половина из которых ничего ему не говорила.

- Ты говоришь об этом, - сказал чогориец, указав на отметку корабля в кильватере «Серого когтя» на расстоянии нескольких часов.

- Нет. Посмотри на его маневры, они такие же, как у нас - это отражение. Призрак. Считай это артефактом сканеров и не обращай внимания. Цель - *вот здесь*.

Хенрикос указал на тусклую точку на самом краю экрана. Хибу нахмурился.

- Это не отметка корабля, - сказал он.

Хенрикос наградил его саркастичной улыбкой.

- Соображаешь. Мы не ищем отметку корабля.

Он еще больше увеличил изображение, усилив степень детализации поиска.

- Этот варп-след - знак глубинного перехода. Считай себя счастливым, Белый Шрам. В твоём Легионе никто бы не обнаружил его.

Хибу проигнорировал оскорбление. Он привык к ним.

- Насколько далеко?

- Я могу подвести нас на дистанцию атаки. Но помни, что это не физическое пространство. Мы должны отслеживать врага, используя схему поиска. Подождать пока они выйдут из варпа, а затем обрушиться на них. Я могу материализовать нас в тени корабля. На ответ у них будут считанные секунды.

- Они не увидят нашего приближения?

- Нет, пока не научатся распознавать алгоритмический поиск. А это маловероятно.

Хибу заметил в его словах зловещую гордость и позволил Хенрику наслаждаться моментом. У Железнодорожников было так мало поводов для радости, и если их искусство варп-слежения было основанием для заносчивости, то пусть так и будет.

- Тогда, из какого он Легиона? - спросил Хибу. - Можешь сказать?

- Посмотри сюда, - Хенрикус снова увеличил изображение, открыв брешь в варпе, сделанную двигателями корабля-добычи. - Три выступа с сильным наклоном, характерные для двигателей серии Дракон старой конфигурации. Их предпочитал только один Легион, так что это корабль Сынов Гора или же можешь забрать мои глаза.

От одного упоминания этого имени у Хибу зачесались руки.

- Мы можем захватить его?

- Пока не прорвем пелену, я сказать не смогу. Но он не может быть больше нашего корабля, и мы достанем их, прежде чем они поймут.

Он взглянул на Хибу, и впервые на его губах появилась кривая усмешка.

- Ты хотел знать план. Вот он. У нас цвета XVI Легиона - это отнимет у них время на размышления. Мы возьмем их на abordаж, прежде чем они поднимут щиты, захватим командный мостик, выведем из строя корабль. Орудия «Когтя» сделают остальное.

Хибу кивнул. Головоломки уже начали распутываться в его голове, и он сразу же понял, что предлагал легионер Железных Рук.

- А ты станешь к штурвалу «Когтя», - сказал он, планируя, как лучше перебросить abordажную партию.

- Нет, - прорычал Хенрикус, развернув экран от себя и снова дав волю кипевшей в нем злости. - Я буду с тобой. Нам понадобятся все клинки, что мы сможем собрать.

Теперь у его гнева была цель - не те, с кем ему приходилось служить, но настоящие враги, которые однозначно выбрали предательство.

- Значит, бок о бок, - сказал Хибу, сухо улыбнувшись.

- Если ты настаиваешь, - пробормотал Хенрикос, отвернувшись к экранам. - Мне все равно, лишь бы мы их убивали и причиняли боль.

Прошло еще двенадцать часов, прежде чем преследуемый корабль подал знаки выхода из варпа. Большую часть времени истребительная команда ждала в отсеке десантно-штурмового корабля «Золотой кинжал», готового к быстрому вылету из ангара. Рассматривался вопрос с абордажными торпедами, но от них отказались из-за слишком большой скорости, исключавшей нужный угол наведения. Поэтому для десантирования лоялисты доверились маневренности и скорости «Громого ястреба».

После вылета штурмового корабля смертный экипаж «Когтя» под командованием мужественного вахтенного офицера-чогорийца Омоза будет удерживать эсминец как можно ближе к врагу, отвлекая на себя огонь, в то время как абордажные партии проникнут в ангары.

Хенрикос нетерпеливо ждал, запертый в носовом отсеке штурмового корабля. С обеих сторон от Железнодорожного в фиксирующих клетях стояли Белые Шрамы Хибу. По визору Хенрикоса текли потоки данных, передавая каждую деталь финальной стадии полета. Оба корабля все еще находились в варпе, но цель только что сильно изменила курс и замедлилась для выхода из эмпиреев. «Серый коготь» преследовал ее по извивающимся линиям схемы Сорргол, действуя на основе автоматических параметров, установленных медузийцем перед тем, как отправиться на борт «Громого ястреба».

- Начать цикл пуска, - пробормотал он, не отрывая глаз от отсчета времени.

Двигатели «Громого ястреба» с ревом ожили. Перед легионерами, мерцая на зернистых пикт-данных, открылись ворота ангара.

- Варп-пузырь впереди пробит, - доложил по связи Оmoz. - Корабль выходит.

- Держаться за ним, - предупредил Хенрикос, расстроенный из-за того, что не мог одновременно быть в двух местах и управлять обоими кораблями. Он попытался расслабиться - пилоты V Легиона, управлявшие «Когтем» и штурмовым кораблем были лучшими из всех, кого он когда-либо видел, но доверять чужакам по-прежнему было непросто. - Пять километров в реальном пространстве. Не больше.

Это было безумно близко, выход из варпа фактически на голове врага, но так было нужно, иначе лоялисты потеряют и без того ничтожный шанс на успех.

«Золотой кинжал» поднялся с площадки на грохочущих потоках вертикальной тяги, зависнув на метровой высоте. Секунду спустя «Серый коготь» вырвался из оков эфира. Как только эсминец отдался от разрыва, пустотные ворота ангара со скрежетом открылись, и показались беспорядочные обрывки поля Геллера.

- Давай! - закричал Хенрикос.

«Громоу ястреб» дал полный газ, перегрузка вдавила Железнодорожного в фиксирующие ремни, и штурмовой корабль вылетел в пустоту. Цель висела прямо над ними на авгурных экранах. Она появилась из варп-разрыва и, накренившись, удалялась, подсвеченная тусклыми ходовыми огнями.

- Щиты? - спросил Хенрикос.

- Еще не подняты, - доложил Омос похвально невозмутимым голосом.

Навстречу мчался вражеский корабль. Хенрикос увидел, насколько он велик - линейный фрегат с боевым лэнсом - и выругался про себя. Враг уже сканировал «Серый коготь», отправлял приветствия, проводил проверку по флотским базам данных и обнаружил приближающийся десантно-штурмовой корабль. Уловка с расцветкой XVI Легиона была крайне ненадежной.

- Немедленно доставьте нас на борт, - передал Железнодорожный экипажу «Золотого кинжала».

Они мчались в тени корпуса фрегата. В экранах проплывали ряды закрытых ангарных отсеков. Орудие «Громового ястреба» открыло огонь, посылая снаряды в ближайшие пустотные ворота. Обшивка корпуса взорвалась от попаданий, разлетевшись шквалом кружащихся алмазиевых обломков.

- Быстрее! - заревел Хенрикос, понимая, что сейчас включатся пустотные щиты.

Штурмовой корабль, круто задрал нос, устремился к проему. Зацепив края ангарного входа «Золотой кинжал» влетел внутрь и резко остановился на мощном импульсе нисходящей тяги. Спонсонные тяжелые болтеры открыли огонь, брызжа двойными потоками снарядов, обстреливая вражеские корабли, закрепленные на палубных рельсах, и разрывая на куски матросов, застигнутых на площадке.

Освободившись от фиксаторов, Хенрикос нажал рычаг спуска ramпы.

- Выходим! Выходим! Выходим!

Лоялисты выскочили из отсеков под аккомпанемент воя вытекающего воздуха и аварийных ревунов. За разрушенными ангарными воротами, наконец, появилась дымка удерживающих атмосферу полей. Но было слишком поздно, они только заблокировали лазутчиков внутри корабля.

Хибу бросился к внутренним дверям ангара. Потрескивающее лезвие силового меча Хибу украшал пламенеющий дракон. Хенрикос последовал за Шрамом с болтером наизготовку, изучая приближающиеся цели.

Первыми сопротивление оказали смертные матросы корабля. Они среагировали быстро: заняли пересечения коридоров, которые вели из ангаров вглубь корабля и открыли сосредоточенный огонь. Эти воины происходили из сурового мира и всю жизнь воевали, поэтому действовали превосходно.

И все же это им не помогло. Белые Шрамы атаковали с ошеломительной скоростью. С гиканьем и криками рубя клинками, они сломали сопротивление, прежде чем оно было организовано. Хенрикос никогда прежде не видел их в бою в составе подразделений, и сейчас восхищался безупречным взаимодействием: один воин отскакивал в сторону, позволяя другому выстрелить, затем снова бросался в ближний бой, все время контролируя и траекторию выпущенных болтов и выпады стали вокруг себя.

- Плоть слаба! - заревел Хенрикос, глядя на смерть врага, прислушиваясь к влажному хлопку разрываемой плоти и гулкому свисту удаляющихся масс-реактивных снарядов. Он наслаждался ими, впервые после подобной резни на «Воркаударе».

Шрамов захватила та же злоба, что и Железнодорожного. Они бились неистово, стремясь причинять боль, а в их криках звучала первобытность, которую Хенрикос прежде не слышал. Это было какое-то безумие, и с каждым убитым врагом чогорийцы погружались в него все сильнее.

Они были сагьяр мазан, искупающими вину, сражаясь, как им и подобало.

Хенрикос и Хибу повели их вперед, прорубая две просеки к командному мостику. Темп ускорился, они прорывались через каюты экипажа и оружейные помещения, оставляя за собой длинный кровавый след. Палубы задрожали, тяжелые удары встряхнули корпус – это открыл огонь «Коготь», нагружая пустотные щиты и занимая экипаж делом.

Абордажная партия безостановочно пробивалась вверх по уровням. Воины бросали гранаты в узкие проходы и прорывались через них, когда куски тел еще разлетались. Доспехи Белых Шрамов цвета слоновой кости исполосовали красные брызги. На черной броне Хенрикоса запекшаяся кровь была едва заметна, хотя Железнурукый был забрызган ею не меньше остальных.

К тому времени, как они добрались до просторного сборного отсека под мостиком, появились настоящие враги. Они отталкивали своих матросов, чтобы добраться до захватчиков, выкрикивая через аугмитеры хтонийские боевые кличи.

Шрамы тут же рассредоточились, укрывшись за опорными колоннами. Открытое пространство исполосовали болтерные очереди, раскалывая рокрит и окутывая помещение дымкой из каменной крошки. Хенрикос врезался в трехметровой толщины столб, чувствуя, как дрожит камень от попаданий масс-реактивных снарядов.

Воин выждал две секунды, позволив укрытию принять на себя залп, затем снова бросился в атаку, доверившись защите доспеха. Шрамы тоже двигались, мелькая между колоннами словно забрызганные кровью призраки. Они, кружа, пронеслись через ураган болтов и сблизилась на дистанцию меча, чтобы дать волю своим клинкам.

В сравнении с ними Хенрикос неуклюже топал, сойдясь с легионером Сынов Гора в темном, цвета морской волны доспехе. Оба болтера выстрелили одновременно – Хенрикосу болт попал в плечо, врагу – в грудь. Снаряд Железнурукого нанес больше вреда, немного отбросив предателя назад.

Хенрикос тут же воспользовался этим. Он снова выстрелил, расколов личину шлема врага, затем заработал руками, нанося быстрые и сильные удары, пока не услышал влажный треск ломающегося позвоночника. Легионер упал, и Хенрикос подобрал его силовую булаву – наконец получив то, чем мог с удовольствием воспользоваться – и двинулся дальше.

Стоял оглушительный шум от смешавшихся взрывов и рева по воксу. К Сынам Гора подошло подкрепление, тут же подключившееся к стрельбе.

Вдруг в памяти Хенрикоса всплыли образы с Исствана – последнего места, где он сталкивался с XVI Легионом. Железнурукый вспомнил отчаянное сопротивление на грядях у края низменности, волны наступающих врагов, кровавую пыль, поднятую в клубящееся облако ярости.

В него снова попали. Болт разорвался на защитной пластине коленного сочленения, остановив Хенрикоса. К нему приблизился предатель с цепным топором, и медузиец взмахнул булавой, отбивая атаку. Сыны Гора атаковали со всех сторон, выдавливая абордажный отряд из дальнего конца в открытую середину зала.

– За Ферруса! – проревел Железнурукый и впечатал булаву в шею врага, после чего отшвырнул задыхающегося воина в сторону и бросился на следующего. Лоялистам следовало поддерживать темп и пробиться к мостику, прежде чем их вовлекут в затяжную схватку. Иначе шанс будет упущен.

К этому моменту Шрамы сражались словно берсеркеры, их боевые вызовы больше походили на вопли. Хенрикос увидел, как двое чогорийцев буквально разрубили легионера Сынов Гора надвое, нанося удары

свистящими клинки в сочленения доспеха. Воины магистра войны отвечали с не меньшей злобой. В несколько метрах боевой брат в белой броне рухнул на палубу со сломанной спиной и разбитым шлемом.

Хромающий Хенрикос собрался отомстить за товарища, но удар болта свалил его с ног. Это было уже третье попадание. Железнорукий кувыркнулся, царапая доспехом мраморный пол. Но когда собрался встать, то понял, какую рану получил – из живота хлестала кровь, вспениваясь вокруг рваных краев отверстия в доспехе.

Медузиец сплюнул, расвирепев от неудачи, и взялся за болтер. Но из-за боли перед глазами все расплывалось, и он промахнулся. К нему бросился вражеский легионер, раскручивая над головой силовой топор для смертельного удара.

Хенрикос попытался встать и поднять булаву для блокировки удара, но не успел. В атакующего предателя врезался легионер Белых Шрамов, и оба воина покатались по палубе, обмениваясь яростными ударами. Наконец чогорийцу удалось прижать врага и ловким движением вонзить кривой меч глубоко в яремную впадину, рывком вверх перерезая глотку. Шрам вскочил, отступил к Хенрикосу и, выхватив болт-пистолет, начал стрелять в толпу врагов.

- Хан... - поприветствовал Хенрикос, продолжая попытки подняться.

Хибу присел возле него.

- Ты можешь сражаться?

Хенрикос зарычал, зная ответ, но не в состоянии озвучить его. Ему повезет, если он не истечет кровью на этом самом месте.

- Мостик... в пределах досягаемости...

Вообще-то это было ложью. Атака захлебнулась, и на полу отсека лежали неподвижно четыре Белых Шрама. Остальные отступали к его позиции, преследуемые вдвое большим числом Сынов Гора.

Хибу продолжал стрелять, пытаясь замедлить наступающих предателей.

- Я так не думаю. По крайней мере, мы прикончим еще немало врагов.

Хенрикос перезарядил болтер и прицелился. В этот момент весь отсек встряхнуло, словно корабль получил пробоину. На миг легионер рискнул предположить, что «Серый коготь» пробил пустотные щиты, но надежда быстро растаяла – его эсминец не обладал таким вооружением, и даже если бы на борту вражеского корабля больше не было легионеров, это не помогло бы лоялистам.

- Умри достойно, брат, - прорычал он, затем прицелился в наступающую группу Сынов Гора и снова открыл огонь.

Он не ожидал, что его выстрелы смогут остановить неизбежную атаку, но снаряды, казалось, размножились в полете, поражая цели целым градом масс-реактивного опустошения. Атака захлебнулась в прокатившейся волне разрывов, которая отбросила Сынов Гора назад.

Пораженный Хенрикос огляделся и только тогда почувствовал резкий запах телепортационного разряда. Из рассыпающихся варп-сфер шагнули семеро левиафанов в терминаторских доспехах моделей «Горгон» и «Катафракт», поставив мощную завесу огня из спаренных болтеров и комбимелт.

Черные с белой окантовкой доспехи были изъедены царапинами, обнажавшими голый металл. Хенрикос увидел на наплечниках медузийские эмблемы - шестеренки, кулаки, черепа. Воины из знакомых ему кланов, вместе с которыми он некогда сражался, а также соперничал, включая и его собственный Сорргол, символ которого - гаечный ключ и шестеренка - он сам носил.

Белые Шрамы среагировали быстрее него, присоединившись к новой атаке и добавив свою скорость к наступлению терминаторов. Хенрикос не двигался, парализованный шоком узнавания.

Мы все были мертвы...

Хибу бросился обратно в битву, присоединившись к контратаке своих братьев и крича на чужеземном языке своего мира. Когда Хенрикос попытался подняться, проклиная медленное восстановление своей плоти, на него пала тень.

Железнодорожник поднял глаза на красные линзы посмертной маски Легиона. Он словно вернулся на Медузу - ошеломленно уставившись на неизвестного легионера, которого принял за Ферруса Мануса.

- Бион Хенрикос, - раздался знакомый голос Шадрака Медузона, бывшего капитана Десятой роты Сорргола, а ныне гораздо более значимого воина. - Постарайся не умереть здесь. Ты мне понадобишься.

Медузон прибыл на ударном крейсере X Легиона «Железное сердце». Боевой корабль был намного мощнее «Серого когтя» и фрегата XVI Легиона, который по иронии судьбы назывался «Неотвратимая победа». Поэтому крейсер смог сбить щиты вражеского корабля двумя мощными залпами. Высадка терминаторов была всего лишь началом, еще больше воинов десантировалось на бордажных таранах, хлынув в узкие внутренние коридоры и устроив там резню.

При такой численности сборный зал был захвачен быстро, затем последовал стремительный и ожесточенный штурм мостика. Враги, как и ожидалось, сражались до самого конца, но Медузон покончился с ними, обезглавив капитана корабля одним свирепым взмахом, повторив смерть своего генетического повелителя перед пышущими металлическим гневом Железнодорожники.

Несколько часов спустя «Неотвратимая победа» была зачищена. Пятеро Белых Шрамов были все еще живы, включая Хибу-хана. Хенрикос оказался к смерти ближе, чем ему хотелось бы признать, но ненавистная плоть его тела ответила на вызов при помощи ножей бригад медиков «Железного сердца».

К моменту возвращения последнего воина Медузона на ударный крейсер, Хенрикос снова был на ногах. Он прибыл в совещательную каюту корабля, где уже ждал Медузон. Шестиугольное помещение полуночного цвета поднималось в шахту, напоминая газовый отвод литейного цеха и наполненную скрежещущим гулом двигателей.

- Хенрикос. Ты поступил, как было велено, - отметил военачальник.

По-видимому, это было поздравление от Медузона за то, что Бион остался жив. Хенрикос, привыкшему к учтивости чогорийцев, теперь было странно вернуться к грубой прямоте собственного Легиона.

- Это был приказ, - сказал он.

Подле Медузона стояло еще четверо легионеров - двое Железнодорожников, Саламандр и Гвардеец Ворона. Казалось, отправленная на Исстван смешанная армия все еще существовала, по крайней мере, частично.

- Много кланов, - произнес Хенрикос. - Много Легионов.

- Сплавленные в один. Мы снова становимся серьезной силой.

Такой настрой мог восхитить Хенрикоса. Вечно недовольная часть воина сочла его ошибочным, но со спасителями никто не спорит.

- А другие из Сорргола?

- Джебез Ауг жив, но команду кланом я. Много изменилось - ты обо всем узнаешь. Ну а что происходило с тобой?

Хенрикос рассказал им о бегстве с Исствана, схватке у Просперо и кающихся грешниках V Легиона. Шадрак Медузон внимательно слушал, поглощая данные, словно машина и выбирая среди них то, чем мог воспользоваться.

- Значит, это был корабль моего Легиона? - спросил Саламандр с неподдельным интересом.

- Какое-то время, - ответил Хенрикос. - Хотя кому он только не принадлежал.

- А Хан остается верным? - настойчиво поинтересовался Медузон.

- Абсолютно. Его Легион готовится к войне. Он уже атакует врага.

- Но те, что сражались вместе с тобой, они - предатели?

Хенрикос задумался.

- Нет, не предатели, - ответил он, подыскивая нужные слова. - Им... не хватало данных.

Медузона это не убедило.

- Ты ручаешься за них.

Воин Сорргола испытывал странное чувство от того, приходилось вступаться за Хибу и остальных, но после того, как они сражались бок о бок, сохранять открытую враждебность стало непросто.

- Они искупают вину.

- Да будет так. Если они могут сражаться, я воспользуюсь ими.

Медузон внимательно посмотрел на Хенрикоса.

- Ты видишь, что происходит. Нити сплетаются в прочные веревки.

- По-твоему, это мудро?

- А ты так не считаешь?

Хенрикос оглядел лица присутствующих: три были пепельного цвета, одно бледное и одно смуглое.

- Пока мы охотимся по отдельности, нас сложно обнаружить. А когда объединяемся, то становимся заметными. Мы не сможем победить такого врага одной силой - у него ее больше.

- И все же мы можем кое-чего добиться, - сказал Медузон. Если возражения против его стратегии и

раздражали Шадрака, он не подавал виду. – Я собрался уничтожить кое-кого и задействовал для этого своих воинов. Если кроме этого мы ничего не добьемся, для чести этого будет довольно.

Хенрикусу не слишком понравилось, как это звучит, но он не стал допытываться. Если Медузона мотивировала вендетта, то она, по крайней мере, станет *целью*, которой самому Биону слишком долго не доставало.

– Считай себя счастливым, – сказал Медузон. – Тебе было суждено умереть на этом корабле. Теперь же ты продолжишь борьбу.

Счастливым. Ну, конечно.

– Но вас привела не фортуна, – сказал Хенрикус.

Медузон сухо рассмеялся.

– Ты сам постарался.

– Сенсорный призрак, повторяющий каждый наш шаг. Вы следили за нами.

– Тебя обнаружил Ауг. Он узнал поисковую схему Сорргола и воспроизвел ее, имитируя сканнер-артефакт, что мы делали много раз. Считай, что тебе повезло: если бы он не посоветовал подождать и понаблюдать, нам пришлось бы уничтожить вас вместе с кораблем Сынов Гора.

Судя по голосу, Медузон был доволен.

– Ауг восхитился тем, как ты запустил алгоритм, хотя был разочарован, что ты не проанализировал призрака.

Хенрикус почувствовал укол. Белый Шрам заметил его, а он нет.

– Это была ошибка. Я сделаю выводы из нее.

– Посмотрим. Это будет война обмана, и наши враги так же склонны к нему, как и мы.

Хенрикус кивнул.

– И что теперь?

– В нашем флоте появился еще один корабль. Теперь займемся привычным делом – уничтожим экипаж, переведем свой и добавим к арсеналу новые пушки.

– Ты восстанавливаешь Легион, брат?

Медузон покачал головой.

– Нет, но теперь мы больше чем разбросанные кланы. В этом и заключается урок.

– Раз нет Десятого, значит, ты больше не капитан.

– Военачальник. Только и всего.

Хенрикус мог заметить, что прежде уже был замысел подчинить множество Легионов одному командующему с титулом, напоминающим принятый Медузоном. И это ничем хорошим не закончилось, и на параллели стоило обратить внимание...

Конечно же, он этого не сделал. Безмолвная команда Медузона была очевидна. Самоубийственная миссия, на которую Хенрикос охотно согласился, теперь оказалась частью чего-то большего. Он больше не был одиночкой среди воинов других Легионов и у него был шанс сделать больше, нежели немного навредить тем, кого он ненавидел с такой абсолютной ясностью.

Ему следовало радоваться. Ведь теперь гнев, что все еще пылал в каждой его клетке, можно было погасить.

- В таком случае ты присоединишься к нам, - сказал Медузон тоном, который больше походил на замечание, чем команду.

- При одном условии, - ответил Бион.

Медузон настороженно взглянул на него.

- Назови его, - сказал командир.

Небеса Медузы всегда были затянуты. Ее обитатели не знали звездных ночей, только хаос насыщенных токсинами облаков, что толкались, клубились и шептали во тьме.

Он шел, прихрамывая, от южных ворот к сердцу цитадели. Кузни вокруг работали под присмотром многочисленных безмолвных стражей в масках из кованого металла. Из запутанных недр завода высь поднимались шпили, усыпанные разнообразными механизмами - вентилями, воздухозаборниками, транспортерами. Между ними находились огромные шахты, в глубоких, уходящих до самого ядра планеты штольнях которых кипела неистовая сила.

Он волочил перевязанные ноги по улицам, покрытым толстым слоем пыли. Стиснув зубы от боли и голода. Стены остались далеко позади, и больше ему не попадались стражи в доспехах, только такие же смертные, как он - в черных климатических костюмах, трудящиеся, не разгибая спины, в кузнях. Ему сказали войти, но он не знал дороги. Из-за смога, каскадов искр и жуткого холода было сложно что-либо разглядеть дальше десяти метров, не говоря уже о том, чтобы найти дорогу в центр цитадели.

Он знал, что даже это было испытанием. Должно быть, другие прошли путь, которым он сейчас следовал - покинули сомнительную безопасность клановых сухопутных машин и направились через равнины к твердыням. Возможно, большинство из них умерли по пути, и ледяной ветер очистил их кости. Медуза специализировалась на таком отборе, который делал ее детей тверже адамантия.

Он опустил голову и сжал воротник, защищаясь от стужи. Вглядываться во мрак не было никакого смысла, поэтому он сфокусировался на том, чтобы переставлять ноги, поддерживая ритм в мышцах.

Должно быть, прошло много часов, прежде чем начался подъем, и дорога снова стала петлять между недавно высеченными каменными лестницами. Вокруг поднимались внутренние стены, выше даже тех, что тянулись по периметру. Он увидел огромный символ из полированного сланца - стилизованный гаечный ключ, помещенный внутрь круглой шестеренки. Знак был огромен - более тридцати метров в диаметре - и встроен в скалистую поверхность, которая поднималась в само бурное небо.

Не успев полностью осознать свои действия, он начал взбираться по крутому подъему, тяжело дыша и чувствуя, что воздух становится все более грязным и холодным. Глаза из-за ветра сжались в щели. Откуда-то текла кровь – он чувствовал на груди горячую струйку, но продолжал переставлять ноги на каждую новую ступень, медленно двигаясь вверх.

Только раз он оглянулся. И увидел протянувшиеся далеко внизу равнины, опутанные металлом и усеянные скважинами, выбрасывающими газовые султаны. Увидел концентрические кольца стен, крепкие как священная гора и усыпанные оборонительными башнями. Когда молния хлестнула по обсидиановому пейзажу, он разглядел детали – подсвеченные неоновым блеском строения завода безграничных возможностей.

Он не помнил подробностей последнего восхождения, только пылающие легкие и ободренные в кровь стопы. Должно быть, он миновал множество дверей, отворяемые машинами-стражами этого места, которые узнавали просителя и позволяли ему пройти.

Когда он пришел в себя, то находился в огромном зале с железными колоннами, освещенном оранжевыми натриевыми лампами. Он упал на колени, но продолжал двигаться вперед, зная, что либо доберется до места испытаний, либо умрет, как животное.

Он поднял глаза, моргая измазанными грязью глазами. Его окружали тощие фигуры с имплантированными в призрачную плоть металлическими частями – паучьи сплавы смертного человека и машины – и карликовые слуги, снующие между ногами больших конструкций.

И, кроме того, здесь были повелители Медузы, облаченные в черное железо и окруженные десятками слуг в робах. Они смотрели на него. Он слышал отфильтрованное масками дыхание, напоминающее шелест равнинного ветра по камням.

Один из них подошел и, наклонившись, взял его за подбородок.

Он, преодолевая боль, поднял голову, пытаясь не морщиться. Так же как и у ворот, он услышал стрекот механизмов. Его сканировали, изучали и оценивали.

Железный рыцарь не проронил ни слова, пока сканирование не завершилось. Хватка на подбородке была холодной как лед.

- Пройди врата, – произнес рыцарь, – и твои испытания станут вечными.

Он чувствовал слабый стук сердца.

- Ты станешь одним из Сорргола. Ты будешь принадлежать только нам. Когда ты изучишь наши секреты, то ни с кем ими не поделишься. Ты будешь биться в одиночку, у тебя не будет союзников. Мы из Железного Десятого и мы сами по себе. За пределами этого места царит слабость. Только мы одни сильны.

Он поверил в эти слова, как только услышал их. В груди вспыхнула неистовая радость, и впервые он почувствовал уверенность, что выживет ради этих испытаний.

- Ты никому не будешь доверять. Никогда не станешь ослаблять себя присутствием на поле боя союзников-иноземцев. Мы из Железного Десятого. Только мы одни сильны.

Его щеки покрылись влагой. Он будет слушать и учиться. Он освободится от пут, которыми судьба сковала этот мир, и увидит железное кольцо во всем его пустотном великолепии. И ради этого

усвоит каждый данный ему принцип.

Он будет учиться. И верить.

- Ты понял это?

- Я... да, - прохрипел он, губы пересохли и кровоточили.

- Тогда повтори. Произнеси эти слова и никогда не забывай их.

- Мы из Железного Десятого, - сказал он, ощущая жар боли и гордости, желая только, чтобы это было правдой. - И только мы одни сильны.

Он нашел Хибу в тренировочных клетках «Когтя». После схватки на «Неотвратимой победе» хан работал почти непрерывно, считая, что к неудаче привели ошибки в тактике его истребительной команды. В отличие от Хенрикоса он мало радовался прибытию Медузона, так как не имел к этому никакого отношения. Предпринятая им искупительная миссия не принесла ему ни заслуженной победы, ни почетной смерти, снова оставив его в зависимости от чужого вмешательства.

Хенрикос некоторое время наблюдал за Белым Шрамом, оставаясь в тени. Чогориец сражался так же, как и на фрегате - с едва уловимой для глаза скоростью, намного превосходящей все, что мог предложить обычный воин X Легиона. В ней было свое преимущество, как и в более основательной технике, которой обучались медузийцы.

Наконец, взмыленный хан остановился. Должно быть, он тренировался не один час. Хенрикос подошел к входу в клетку, чтобы поприветствовать товарища и предложить пропитанную маслом ткань.

- Не думал, что снова увижу тебя, - сказал Хибу, вытирая лоб.

- Ты решил, что я переберусь на «Железное сердце».

- Отличный корабль.

Они вместе направились к выходу.

- Я давно не был на медузийском корабле. Возможно, я помню их другими.

Хибу поднял брови, от чего шрам на щеке дернулся.

- Так значит, ты остаешься на «Сером когте»?

Хенрикос пожал плечами.

- Это счастливый корабль. И я не доверю тебе летать на нем.

- Наверное, это мудро - ведь ты испортил половину систем.

Они дошли до дверей, и Хибу остановился.

- Теджи мертв, как и трое других. Их кровь пролилась напрасно - мы бы проиграли бой.

- Такова война.

- Мы должны действовать лучше.

Хенрикос кивнул.

- Так и будет.

Он потянулся к плечу и впервые после Исствана обнажил меч. Не изогнутую чогорийскую сталь, но медузийский цвайхендер с улучшенной функциональностью и соединенными генераторами расщепляющего поля. Длиной клинок равнялся росту смертного. Именно о таком оружии - значительно превосходящем болтер и трофейную силовую булаву - мечтал Хенрикос.

- В следующем бою я буду подле тебя вот с *этим*. Одним ударом можно разрубить легионера надвое.

Хибу внимательно посмотрел на длинный меч. Тяжелый клинок была антитезой всех видов оружия, используемых в его Легионе.

- Нет слов, впечатляет, - сказал он как можно убедительнее.

Хенрикос рассмеялся.

- Это было условием моего согласия встать под командование Медузона. Меч и должность капитана «Когтя». Я вижу в нас потенциал. Сплав философий.

Он вложил меч в ножны.

- Твои родичи быстро работают с мечом. Ты мог бы обучить меня этому.

Хибу не смог скрыть своего удивления.

- Обучить тебя?

- И наоборот.

Хенрикос стукнул по замку двери, и противозрывная панель отошла.

- Медузон настроен серьезно. Он собрался добраться до самой верхушки Шестнадцатого. Я согласен, что нам нужно найти способ действовать лучше. Возможно, это он и есть.

- Это безумие.

- По всей вероятности, но какая сейчас польза от здравого смысла? - Хенрикос впился в Хибу твердым взглядом. - Если появится шанс, я воспользуюсь им. И перед тем, как прикончить магистра войны, я посмотрю ему в глаза. Будешь ли ты рядом в этот момент?

Хибу настороженно смотрел на Железную руку, по-видимому, не в состоянии решить, не издевается ли тот над ним.

- У тебя никогда не будет такого шанса.

- Возможно, ты прав.

- Но если ты...

Хенрикос терпеливо ждал. Но Хибу так и не закончил предложение. Взгляд чогорийца вернулся к рукояти цвайхендера.

- И как им пользоваться? - спросил Хибу.

Хенрикос отошел от двери и снова обнажил клинок. Железнодорожник кивнул на тренировочную клетку.

- Обнажи свой меч, - сказал он, гадая, насколько скажутся на нем раны, если бой станет слишком напряженным. - Я покажу.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Серый_коготь/_Grey_Talon_\(аудиорассказ\)&oldid=11690](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Серый_коготь/_Grey_Talon_(аудиорассказ)&oldid=11690)

Эта страница в последний раз была отредактирована 10 марта 2020 в 15:06.